

В день, когда мир Веньяна обрушился, словно отколовшийся камень с вершины горы, стояла поздняя осень. С затянутого кучевыми серыми облаками неба падала холодная, колкая морось — не снег, скорее льдистое мелкое крошево, усыпая черную землю белой крупой. Промозглый ветер подхватывал её, кружил в воздухе, словно разыгравшийся кот клубок свальной шерсти.

Ху Шень, уйдя к барьеру, запретил следовать за ним и Веньян, будучи хорошим учеником, не мог послушаться. Тёмная энергия вокруг него бесновалась, скулила и выла раненым зверем и нервозность внутри самого Веньяна вторила ей — заунывные стоны растревоженных душ то сплетались в упругую вязь, то рассыпались на сотни растрёпанных ветром лент — Веньяну и стараться сильно не нужно было, чтобы ухватиться восприимчивым разумом за один из ускользающих концов. Ху Шень запретил следовать за ним, но он не запрещал использовать чужие глаза.

Происходящее предстало перед Веньяном мутной пеленой, словно отражение в зеркале, занавешенном полупрозрачной вуалью. Душа, за которую ему удалось ухватиться, была слаба, словно сгусток тумана над озером, исчезающий на рассвете — Ху Шень развеял бы её, не моргнув и глазом, если бы захотел. Целью Веньяна был не шпионаж и уж точно не подлое выведывание каких-то секретов. Притаившись в тених гудящих на ветру бамбуковых зарослей, он лишь хотел знать понадобится ли его помощь. Чего он точно не хотел узнавать, так это правды, что оказалась горше самого крепкого полынного отвара, большее меча, вонзённого в самое сердце, оглушительнее горного обвала в бушующую грозу.

Проведя всю жизнь за барьером с единственным человеком, деля лишь на двоих и радости и печали, Веньян мог лишь догадываться, насколько огромен и непостижим мир за его пределами. Словно он и вовсе не был его частью — вся его жизнь заключалась в одной улыбке, хвалящей за успехи; в одном взгляде, говорящем без слов; в одной ладони, что направляла его; в одном человеке — и всё это не было частью того мира, о котором Веньян не знал. Всё это было только его — эгоистичная тайна, доступная лишь ему одному. И хотя Ху Шень никогда намеренно не лгал, Веньян всё равно почувствовал себя обманутым — подло, как удар в спину; унижительно, как хлёткая пощёчина.

В детстве Веньян не задавал вопросов о родителях лишь потому, что просто не знал такого понятия. Вокруг не было других детей или семей, и казалось совершенно естественным просто жить с Ху Шенем в их странном, одиноком мире. Позднее, повзрослев, он скорее просто боялся этих вопросов, будто бы новое знание могло превратить его в обычного чужака для человека, единственно для него ценного.

Мутное зеркало, через которое Веньян наблюдал за происходящим треснуло ровно посередине, словно в него швырнули камень, и разлетелось на сотни осколков. И в этих осколках было так много всего — взгляд дымных глаз, подёрнутый яростью; заросли бамбука, торчащие из земли как окровавленные копы на остывающем поле боя; сам Веньян, одинокий плачущий ребёнок, цепляющийся за грубые одежды и ладонь, что от него неминуемо ускользала; и мужчина из того, другого мира, частью которого Веньян так резко оказался, но которому совсем не принадлежал; мужчина с глазами цвета талого льда и белоснежными волосами, тот, кого Ху Шень так яростно ненавидел, тот, на кого Веньян так не был похож, но чью кровь носил в себе.

Время замерло, казалось, на мгновение — упавшим мёртвым листом на тёмную водную гладь — но порыв леденящего ветра прогнал его прочь.

Веньян плакал не часто. В основном от страха, когда впервые случайно оказался за барьером или когда впервые заговорил с мёртвыми, но то, что он испытывал сейчас походило на агонию. Слезы, что падали из глаз — осколки разбитого зеркала; влага, что текла по щекам —

обжигающая алая кровь.

Веньян не пользовался оружием, что могло причинить настоящий вред, но никогда до этого покоящийся в ножнах меч на поясе вернувшегося Ху Шеня ещё не выглядел так привлекательно. Так неистово хотелось выхватить его, обнажить. Но не затем, чтобы вонзить в грудь того, кого Веньян так отчаянно и непозволительно любил, а лишь затем, чтобы вспороть собственное горло.

— Скажите, мастер, — хрипел он ломким треском первого льда под ногами, — зачем? Столько лет вы держали рядом сына своего заклятого врага? Насколько мерзко вам было улыбаться мне? Насколько сильна ваша ненависть? Скажите мне, мастер! Ответьте!

Ху Шень смотрел на него — дрожащий, съёженный как маленький, загнанный в угол зверёк. Наголо нервы, разорваны связки и сухожилия — сплошная открытая рана и кровь, пульсируя в ней, шипит и клоочет.

«Терпение — добродетель».

Говорил он Веньяну, пытаясь безнадежно отсрочить неизбежное. Ждал подходящего момента, а он всё не наступал. И теперь недосказанность и тайны, что копились годами, вырвались — лопнул зловонный гнойный нарыв и смрад от него такой едкий и тошнотворный.

«Неведение — благо».

Отвечал ему когда-то Веньян, и в чём-то был прав. Он вообще всегда был довольно проникательным, но в одном точно ошибался — кем бы ни был его отец, ненависти к нему Ху Шень никогда не испытывал. Ребёнок, приговорённый к смерти ещё до рождения, он не был частью давней вражды, но должен стать ключом для её завершения — инструмент эгоистичной мести, безвольно вплетённая нить в узор чужих интриг.

Ху Шень молчал, хотя мог бы так много всего сказать. Должен был сказать. Но слова имеют странное свойство — в нужный момент они — исцеление, в неподходящее время — яд.

«Терпение — добродетель».

Учения, адресованные Веньяну, вернулись эхом к нему самому. Время говорить ушло. Что бы сейчас Ху Шень ни сказал, оно звучало бы жалкими оправданиями. И хотя в этот самый момент Ху Шень, и впрямь, был жалок, признать это он был не в силах. Долгие годы он держал Веньяна как заигравшийся ребёнок воздушного змея и вот, наконец, нить выскользнула из его рук. Но то ли порыв ветра был недостаточно силён, то ли змей слишком тяжёл — замерев в нерешительности, он всё дразнил Ху Шеня своими развевающимися истрёпанными лентами — протяни руку и схватишь его вновь.

— Уходи, Веньян.

Ху Шень был жалок. Жалок всю свою жизнь — болезненный ребёнок, презренный отступник, скорбящий любовник. Жалок, но никогда жесток. Чувства Веньяна давно не были для него тайной — ему самому хорошо знакомы все эти тоскливые взгляды и горькая привязанность. Веньян простил бы ему что угодно, начни он оправдываться и объяснять, и худшее, что мог бы сделать Ху Шень — подло сыграть на его преданности.

Всего два слова ударили Веньяна так сильно, так безжалостно, что перехватило дыхание. Пошатнувшись, он заглянул в глаза напротив — они были всё теми же — дымно-серые омуты,

такие родные и одновременно совсем чужие.

— Кем ты считаешь меня, Веньян? Безумцем, ступившим на тёмный путь забавы ради? Или безумцем, у которого не было выбора? Уходи, Веньян, и возвращайся только тогда, когда сам найдёшь ответ на этот вопрос. Если найдёшь.

В день, когда мир Веньяна превратился в разбитое зеркало, стояла поздняя осень. Замёрзла листва, покрывшись белым хрустящим крошевом.

Замёрзло и сердце, на живую вырванное из груди, и осталось лежать куском гранёного льда в когтистых тигриных лапах.

С тех пор, как Ху Шень прогнал Веньяна из единственного места, которое тот привык называть домом, прошло несколько дней. Одинокий и опустошённый, Веньян совершенно ничего не знал ни об этом необъятном мире, ни о севере в частности — две захолустные деревни, что ему довелось посетить, едва ли могли пойти в зачёт. Намеренно обойдя их, Веньян бесцельно скитался по округе, ночуя под уродливо изломанными деревьями с облетевшей к зиме листвой, часами вглядываясь в тёмное хмурое небо и слушая завывания пробирающего до костей холодного ветра. Выжженные земли давно остались позади, но оживлённее от этого не стало — заброшенные деревни с покосившимися домами, разошедшие стволы вековых деревьев, бесконечные тропки, давно не видевшие путников и поросшие упрямой северной травой — замершая во времени пустота, прямо как в душе самого Веньяна.

На пятый день своих бесцельных скитаний, Веньян вышел к лесу. Тёмному и безмолвному, совсем такому, о котором рассказывал Ху Шень. Был ли он и впрямь тем самым? Если постарается, сможет ли Веньян найти родную деревню своего мастера? Дом или хотя бы клочок земли, на котором он когда-то стоял? Едва ли в этом был смысл, но неуёмная тоска всё время возвращала Веньяна обратно — куда бы ни шли его ноги, мысли неизбежно стремились к Ху Шеню, к зарослям бамбука. Домой.

Одиночество для Веньяна было привычным, но никогда ранее оно не было так щедро приправлено чувством горькой апатии и безысходности, от которой даже желудок неприятно скручивало узлом. Хотя, возможно, причиной тому просто был голод — даже закалённое тренировками тело заклинателя может давать сбой. Удача ли, или сама судьба, но на границе леса Веньян разглядел смутные очертания одинокой телеги, а ветер донёс запах горящих еловых веток и жареного мяса. Чтож, раз ему не было дороги назад, избегать людей бесконечно всё равно бы не вышло.

Рядом с телегой, старой и скрипучей, обнаружилась компания больше, чем Веньян рассчитывал — четверо молодых мужчин в одеждах, что, казалось, состояли из одних заплаток и девушка, такая худая и бледная, что Веньян иных мертвецов краше видел.

Несмотря на явно бедное существование, незнакомцы оказались весьма добродушными, пригласив Веньяна погреться у потрескивающего огня и разделить с ними пищу — недавно пойманного зайца, в котором, по правде говоря, жил было больше, чем мяса. Приятное тепло костра, аромат елового дыма и жареной дичи — всё это так грело изнутри, что Веньян не переставал удивляться, насколько внешняя грубость всех встреченных им людей расходилась с внутренним состоянием их душ, открытых и добрых.

За простыми житейскими разговорами Веньян узнал, что путники кочевали по суровым северным землям в поисках редких лекарственных трав, чтобы сбывать их торговцам, и иногда

забрели в заброшенные деревни, попадавшие на пути — иногда и там можно было найти что-то ценное и заработать пару монет. В одной из таких деревень они как раз и нашли несчастную девушку, истощённую, грязную и запуганную. Пожалев бедняжку, путники взяли её собой, позволяя спать в повозке и делаясь пищей. Девушка оказалась немой и не доставляла вообще никаких хлопот. Но что-то в ней было странным — цепкий взгляд и тихая отрешённость то и дело так и заставляли Веньяна украдкой поглядывать на её тонкие, длинные пальцы, сжимавшие почерневшую от огня заячью косточку. Возможно, дело было в её непростой жизни, но на самого Веньяна девушка тоже поглядывала будто бы с опаской, сразу же отворачиваясь, как только это становилось заметным.

Обычно, где бы Веньян ни оказывался, любой разговор неминуемо сворачивал в сторону чего-то, что могло потребовать его вмешательства. Слухи распространялись быстро, это он уже успел понять. Особенно среди людей, брошенных на произвол судьбы на десятки лет. Но время шло, солнце медленно катилось к закату, а его новые знакомые лишь угрюмо переглядывались, да вздыхали, будто не решаясь о чём-то заговорить.

Среди четверых мужчин двое были разговорчивее — юноши, по виду не старше двадцати пяти, одетые в простые одежды, они интересовались Веньяном куда активнее, задавая странные вопросы и переговариваясь друг с другом фразами, походившими на загадки. Веньян чувствовал от них что-то инородное, но никак не мог понять, что.

— Девчонка-то наша совсем почти ничего не ест. — Говорил один из них, Се Биань, сидя на поваленном стволе иссохшего дерева и задумчиво прищипывая языком. Одежды его были белыми, прямо как у самого Веньяна, и глаза с хитрым прищуром, но добрые, блестящие. — И в чём душа только держится?

Второй из них, Фань Уцзю, облачённый во всё чёрное, с хмурым видом одну за одной методично точил стрелы. Ухмылка, тронувшая его губы, выглядела пугающе.[1]

— Кости, видать, крепкие, — сказал он, бросив многозначительный взгляд на Веньяна, будто ожидая, что к нему придёт понимание происходящего. Но увидев лишь растерянный взгляд, отвернулся, покачав головой.

Юноша в белом резко толкнул его в бок.

— Не обращайтесь внимания. Уцзю-гэ иногда совсем бестактен. — С улыбкой соскользнув глазами к деревянному мечу на поясе Веньяна, он поспешил перевести тему. — Какое оружие у вас занятное. А что за древесина?

Веньян совсем ничего не понимал.

— Ива, — ответил он, и взгляд напротив вспыхнул каким-то странным предвкушением.

— Как замечательно.

Изначально, заметив телегу, Веньян не планировал задерживаться с путниками надолго, но загадочная атмосфера, гнетущее ощущение чего-то, чему он не мог дать названия, странным образом не позволяли ему уйти. Обычно люди, едва заметив его заклинательское облачение, тут же о чём-то его умоляли, но сейчас всё было иначе. И хотя Веньян плохо умел общаться с людьми, внутренняя, врождённая отзывчивость заставила его спросить:

— Вам нужна помощь?

Его собеседники переглянулись, будто ведя мысленный диалог.

— Нам-то? — Усмехнулся юноша в белом. — Едва ли. Но если прославленный Шуан-цзюнь немного задержится, мне кажется, он не пожалеет.

Конечно, они знали, кто он. Какой ещё заклинатель мог бродить в этих забытых богами землях? Сам Веньян не назвал бы себя прославленным — он вообще предпочёл бы совсем никак себя не называть. По правде говоря, в этот самый момент Веньян не был настроен ни помогать кому бы то ни было, ни геройствовать. Но печаль не вечна, а людская молва способна не утихать веками, и раз Север уже говорил о нём, едва ли у него был шанс заставить его замолчать. В конце концов, за этими странными разговорами, среди незнакомых людей, он уже несколько часов кряду не вспоминал о Ху Шене, будто бы сама судьба протягивала ему спасительную соломинку и кем он был таким, чтобы от неё отказаться.

Из леса, тёмного и таинственного, веяло хвойной свежестью и древесной сыростью — запах ложился на плечи тяжёлым покрывалом, струился по коже, заполнял лёгкие целиком — он был так непохож на привычный Веньяну аромат бамбука и земли, что навечно впитала в себя тьму и пепел — дышать, не надышаться. Закрыв глаза, Веньян замер перед потрескивающим огнём и прислушался. Где-то в непроглядной чаще дикие звери топтали мох, посеребрённый первой изморозью; падали тяжёлые шишки, рассыпаясь мелкими семенами; трещала кора вековых деревьев и ветер пел свою одинокую песню хрустальным звоном замёрзших еловых игл — Север не был безжизненным — он дышал и Веньян как никогда прежде ощущал себя его частью, подстроившись под этот размеренный ритм. Первая за дни бесцельных скитаний медитация ощущалась как избавление. Как исцеление. Словно тонкая, прозрачная корка льда, наконец, расстелилась по тёмной водной глади, и вся муть, ил и грязь остались под ней, где-то глубоко на дне отделённые от внешнего мира.

Когда Веньян вернулся в реальность, было совсем темно. Угли в костре, раздуваемые редкими порывами ветра, напоминали мутные, неогранённые рубины и тень от леса зловеще нависала над одинокой скрипучей повозкой. Поодаль приглушённым эхом звучали голоса. Прислушавшись, Веньян понял, что его внезапные спутники были встревожены.

— Как она могла просто исчезнуть? Мы же всё время были здесь.

— Не знаю я! Куда она вообще могла пойти в такой час?

— Нужно её найти! Бедняжка и так слаба, а ночью в лесу...да у неё и шанса нет...

Несложно было догадаться, о чём шла речь. Подойдя к встревоженным путникам, Веньян не спешил вступать в разговор, просто присматриваясь к происходящему. Се Биань и Фань Уцзю молча стояли, сложив на груди руки как близнецы, с разных сторон телеги, пока двое мужчин суетливо переговаривались, пугливо поглядывая то на тёмный лес, то под полог, что должен был укрывать их спутницу. Но девушки там не было.

Завидев Веньяна, Се Биань оживился.

— Достопочтенный Шуан-цзюнь, — воскликнул он, звонко хлопнув в ладоши, — кажется, нам всё-таки нужна ваша помощь.

Взволнованные мужчины притихли, бросив на Веньяна безмолвно умоляющие взгляды. Казалось, они даже дышать перестали, страшась отказа — люди, вынужденные не жить, а выживать без надежды на чью-то протянутую в помощь руку — Веньяну было так их жаль.

В свете факелов ночная лесная чернота напоминала разинутую пасть огромного хищника. Он совсем не походил на привычную Веньяну бамбуковую рощу с её частоколом гладких, блестящих в лунном свете стволов — непроглядная бездна, пугающая и замораживающая своим холодным, молчаливым величием. Как вообще можно было здесь кого-то найти? Самому бы не потеряться. Нервозность пробежала по спине Веньяна колючими мурашками и он обернулся через плечо — впервые в жизни он испытал облегчение, что не был один — двое, навязавшихся вместе с ним, пускай, были странными, но хотя бы знакомыми с северными лесами.

Раздавшийся за спиной звон тяжёлых металлических цепей, заставил Веньяна вздрогнуть от неожиданности. Инстинктивно он поспешил отпрыгнуть чуть вбок, избегая возможного нападения.

— Тише, тише, — голос Се Бианя раздался прямо над ухом, ладонь легла на напряжённое плечо, — пришло время положить конец притворству, верно?

Веньян обернулся, взглядом полным удивления окинув своих спутников. Это были уже не те мужчины в старых залатанных одеждах, что встретились ему изначально. Летящие ткани развевались на ветру, головы венчали высокие шапки с горящими золотом иероглифами[2] и тяжелые цепи в руках с острыми крюками на концах. Наконец, всё то ощущение странности, что Веньян испытывал рядом с ними, обрело форму и прояснилось. Для Веньяна было привычным общаться с мёртвыми, не удивительно, что он не смог разгадать эту загадку, ведь демонов он встречал впервые. Однако мотивы их пока оставались непонятны — Веньян, вроде как, был вполне себе жив. Хотя, если подумать, радости от этого он сейчас совсем не испытывал, так что...

— Если вам нужна моя душа, забирайте. Я не стану даже сопротивляться.

Раздался смех. Фань Уцзю, до этого всегда хмурый и молчаливый, даже голову запрокинул в приступе веселья.

— Достопочтенный Шуан-цзюнь, конечно, очень щедр, но свою душу оставь себе. Нам она без надобности. Пока.

Стоявший рядом Се Биань закатил глаза.

— Нам бы девицу ту изловить. — Сказал он, крутнув в воздухе цепь. — Но для этого бы душу из неё выбить. Самим нам нельзя, а людям тем помочь бы хотелось. Они ведь в сущности-то неплохие, ну, мародёрствуют иногда по заброшенным деревьям, ну и что с того. Даже вот бедняжку пожалели, не догадавшись, что байгуцзин[3] подобрали, а она-то к ним и прицепилась, не оторвать. Их ведь до нас четверо было, двоих уже извела. Это, знаешь ли, даже унижительно, подчищать за ней. Так что если достопочтенный Шуан-цзюнь выбьет душу из этих старых костей, мы её с удовольствием и схватим.

Конечно, Веньян хотел помочь. Но он никогда не сталкивался с демонами. Видимо, сомнение так явно отразилось на его лице, что Фань Уцзю горестно вздохнул.

— Тут дел-то на цзы[4]. Ударишь разок посильнее и всё, меч-то ивовый.

И хотя само дело звучало как пустяк, гораздо более сложным оказалось, найти демоницу. Она-то сразу почувствовала опасность, едва Веньян появился в их импровизированном лагере, вот и скрылась под покровом ночи в надежде просто дождаться, когда тот уйдёт. Она могла бы и вовсе уйти, но кто знает, когда ещё ей подвернётся шанс кого-то встретить, ведь путники на

севере не так уж часты. Эти же мужчины были лёгкой добычей, ещё и с телегой, на которой можно было добраться поближе к какому-нибудь крупному городу.

Минуты поисков превращались в часы. Она была здесь, где-то в изломанных тенях поваленных стволов и гнутых веток. Кружила вокруг них, путая следы, но затхлый запах её демонической энергии выдавал присутствие, мешаясь с ароматом мокрого мха и первого снега. Казалось, эта игра даже её забавляла.

Когда на небе забрезжили первые лучи рассвета, и тьма начала рассеиваться серым, словно в чёрную краску плеснули воды, удача, наконец, улыбнулась.

— Шшш, — Се Биань приложил палец к губам и кивнул Веньяну в сторону одного из широких стволов старой ели.

Мелькнула рука. Точнее кости, голые, пожелтевшие от времени, с трещинами и острыми сколами. Веньян медленно вытащил меч из резных деревянных ножен, но шорох, раздавшийся в предрассветной тишине, не остался незамеченным. Хрустнула шея, изогнувшись в сторону и две зияющие чернотой глазницы усталились на Веньяна. С голого черепа рваными клоками свисали волосы, похожие на грязную болотную тину — кажется где-то ещё всё-таки сохранилась полусгнившая кожа. На удивление, челюсти, распахнувшиеся в нечеловеческом, яростном рыке, сохранили все зубы и, стуча ими и клацая, демоница ринулась вперёд. Острые фаланги пальцев изогнулись когтями и гулкий грохот костей вспугнул спящих на деревьях птиц.

Демоница выглядела омерзительно, но Веньяну не привыкать к зрелищу гниющей плоти и посмертно запёкшихся ран — в большинстве своём всё это выглядело куда страшнее неуклюжего скелета, хрящи в суставах которого давно истлели. Это было нелепое нападение — последний яростный всплеск тёмной сущности, не желавшей кануть в небытие.

На всякий случай Веньян вложил в удар немного духовной энергии и дерево укрылось вуалью бледного голубоватого сияния.

Раздался треск и в ушах зазвенел истошный вопль.

За спиной Се Биань и Фань Уцзю уже гремели цепями, раскручивая их воздухе с гулким свистом. Веньян и понять толком ничего не успел, но всё закончилось за долю секунды, и лишь горстка пожелтевших костей осталась бесформенно лежать у его ног.

— Попрощайся за нас с теми несчастными, — улыбчиво говорил Се Биань уже привычным жестом положив ладонь Веньяну на плечо, — и объясни им всё. Они поверят достопочтенному Шуан-цзюню куда охотнее, чем двум страшным демонам.

У Веньяна всё ещё немного звенело в ушах, но он кивнул, скорее механически, чем в понимании.

Когда же звон, наконец, стих, Веньян обнаружил себя на небольшой опушке, залитой тусклым светом, едва пробивавшемся сквозь серые облака и вековые деревья. В полном одиночестве.

—□□—

Произошедшее немного встряхнуло Веньяна, напомнив о том, что все его страдания, какими бы ужасными они ни казались ему самому, и близко не могли сравниться с тем, что изо дня в день вынуждены переживать все эти люди вокруг, всеми оставленные и несчастные от

рождения до самой смерти.

Когда он вернулся к старой скрипучей телеге и рассказал о том, что случилось, мужчины лишь пожалы плечами, даже не отвлекаясь от ощипывания недавно пойманных фазанов.

— Эти земли давно прокляты. Что с них взять? — Сказал один из них, и у Веньяна защемило в груди от этого смиренного принятия совершенно диких вещей и событий.

Да, пускай, его мир обрушился, но мир за барьером, в котором он оказался, как раз был ему подстать.

В благодарность мужчины помогли Веньяну добраться до города и спустя четыре дня пути их дороги разошлись.

Город оказался шумным, пахнущим конской шерстью, сырой древесиной и едой с постоянных дворов. Он шумел скрипом повозок, кузнечной наковальней и голосами стольких людей, сколько Веньян никогда и подумать не мог, что увидит. Но вот он здесь, стоит перед высокой городской стеной, не решаясь войти — всего один шаг и от Ху Шеня, оставшегося где-то очень далеко, его отделит ещё один барьер. Всего один шаг — каким же простым и одновременно сложным он кажется.

На удивление Веньяна, в большом городе оказалось легко затеряться. Спешащие по своим делам люди, почти не обращали на него внимания — лишь иногда кто-то перешёптывался, но подходить не решались. Это очень разнилось с теми маленькими деревушками, в которых ему уже довелось побывать, и в какой-то степени радовало — возможно, в городах дела обстояли лучше и люди в них ещё не настолько отчаялись.

Как бы то ни было, каждая узкая улочка, каждый оставленный позади дом, уводили Веньяна всё дальше от той старой, привычной жизни, полной украдчивых взглядов и горького одиночества.

Уводили в жизнь, полную извилистых троп и загадочных закоулков.

Так, они загнали его в угол, пахнущий цветочными благовониями, тёплым воском и солью слёз незнакомого, совсем юного мальчишки, жмущегося к стене под натиском грубого, обрюзгшего мужчины. Не по погоде лёгкие, лиловые одежды с вязью цветочных узоров; разметавшиеся по острым плечам волосы цвета молодой древесной коры — хрупкая ветка сирени, что колыхается на ветру — преступление, позволить ей сломаться.

До этого Веньяна всегда просили о помощи, но в этот момент что-то иное двигало им.

Затрещала ткань грубой рубахи в его кулаке.

Но он не слышал ни грубой брани, летевшей в него словно камни; ни шлепка, плюхнувшегося к ногам злостного плевка.

— Господину не стоило вмешиваться.

Лишь мягкий, смущённый голос в перезвоне колокольчиков на шуршащих бумажных фонариках, что дрожали на холодном ветру.

— Сегодня он ушёл, потому что пришли вы. Но завтра он снова придёт. А господин нет.

Слова Веньяна опережали мысли. Бежали горным ручьём, минуя преграды.

— Почему ты решил, что я не приду?

Веньян не знал, ни что это за место, ни как он вообще до него добрался. Но отчего-то знал, что сможет найти его ещё бесщётное количество раз.

Лиловая волна чужих одежд вспорхнула на ветру крылом невиданной птицы.

— Если Господин захочет снова прийти...

Цветочный шлейф скользнул в дверной проём.

—...пусть спросит Шаояо.

Комментарии и примечания:

[1] Речь идёт о «чёрной и белой нечисти» — это два загадочных духа/демона, которые, согласно китайским повериям и суевериям, после смерти человека приходят чтобы забрать его душу для сопровождения в загробный мир. Один дух чёрный (黑), другой белый (白). Большими крюками на цепях могут хватать пытающиеся «сбежать» души. Лицо Белого духа часто излучает улыбку, а лицо Чёрного — свирепо и грозно. Существует легенда о том, что Чёрный и Белый духи смерти когда-то были живыми людьми: Белого духа звали Се Биань (白), Чёрного — Фань Уцзю (黑).

я позволяю себе некоторую вольность, изображая их странниками среди людей и кем-то вроде проводников душ, которые не имеют права вмешиваться в естественный ход событий и как-то им препятствовать.

[2] на шапках надписи из 4-х иероглифов: у белого — "白" (ты тоже пришел), а у черного "黑" (хватая тебя).

[3] Байгуцзин (白骨精) — «дух белой кости» — демоница, способная менять облик, и в своей истинной форме она изображается как скелет.

[4] Цзы (分) — единица измерения, равная пяти минутам.

<http://bllate.org/book/14934/1323659>